

АНАСТАСИЯ ЕВСТЮХИНА

КРЫСЫ
ПЛЫВУТ ПО КРУГЛУ

АЗБУКА
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Е26

Дизайн обложки Виктории Лебедевой

Евстюхина А.

Е26 Крысы плывут по кругу : роман / Анастасия Евстюхина. — М. : Издательство АЗБУКА, 2025. — 400 с. — (Имена. Российская проза).

ISBN 978-5-389-30183-2

Искупительный роман о поиске смыслов, звенящем одиночестве и нелюбви — прежде всего к самой себе; а еще о том, что никогда не поздно прервать нескончаемую гонку и заняться тем, о чем всегда мечтала.

У Наташи все хорошо: она пишет диссертацию, работает вместе с мужем в биологическом институте. Многие не отказались бы от такой жизни.

Вот только ночью ей снятся сны о том, как она сама плывет вместе с крысами в баках лаборатории, отчаянно перебирая лапками, пока хватает сил.

Оказывается, Наташа не хотела поступать на биофак — за нее все решила мама. Мамы больше нет, но есть муж, который считает ее творческие увлечения баловством и напрасной тратой денег.

Наташа видит себя фотографом, однако звучит секундомер, и надо плыть дальше — и так до бесконечности.

Но, быть может, на очередном круге этого беспощадного заплыва у Наташи откроется второе дыхание и появятся силы сказать: «Я так больше не хочу!»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-30183-2

© Евстюхина А., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство АЗБУКА®

*Всем отважным маленьким пловцам, погибшим
в лаборатории № 15, посвящается...*

*Даше Б., чуткому и терпеливому человеку,
сопровождавшему меня на всех этапах
подготовки кандидатской диссертации.*

*Полине В., самоотверженно помогавшей мне
ставить эксперименты.*

*Веронике Травкиной, Юлии Барановой, Кате
Тымченко; тем, кто шел со мной бок о бок до
диплома, и тем, кто до него так и не дошел;
тем, кто окончил аспирантуру, и тем, кто ее
бросил; чем бы вы сейчас ни занимались, надеюсь,
это приносит вам радость.*

Глава 1

Прежде был только звук.

Хрясь!

Будто ломается ветка. Будто яблоко падает на асфальт с десятого этажа. Сплющивается. Выстреливает соком.

Хрясь!

Когда у нее впервые хватило решимости повернуться и посмотреть, Наташа поняла: Мартин недостаточно точно описал казнь Нэда Старка через отсечение головы¹. Блямк. Последняя нота страшного звука. Тихое уточнение. *Punctum*². Металл касается металла. Крысиная голова остается с одной стороны гильотины, тело — бьется в руках Георгия Алексеевича, обтянутых голубым латексом, еще секунд пять, пока он сливает теплую, блестящую, как лак для ногтей, кровь в воронку с гепарином.

¹ Речь о писателе Джордже Мартине и герое его саги «Песнь льда и огня».

² Здесь: точка (*лат.*).

Декапитация — так это называется. Считается, что кровь после декапитации чище. Она более пригодна для исследований, чем, скажем, кровь из хвоста.

Декапитация — странное слово; за ним легко спрятать от постороннего, непосвященного человека чудовищную суть. Еще один трусливый эвфемизм. Еще одно имя смерти.

Хрясь! К этому звуку невозможно привыкнуть, как, например, к бумажному шороху радиопомех или ремонту соседей — к такому не сразу, но приспособишься. К зловещему «хрясь» — никогда. Звук, уносящий жизнь, пусть даже крысиную, заставляет вздрагивать снова и снова.

— Хорошо, что я заказал новую гильотину, французскую. Видите, какая удобная, острая, раз и готово, — с улыбкой рассказывал Георгий Алексеевич.

Наташа проживала неслышимое эхо страшного звука. Постигала его смысл, невыносимо простой и огромный, невероятный, который невозможно в себя вместить. Хрясь. Каждый из нас смертен. Хрясь. Однажды все закончится. Пресечется мгновенно и навсегда. Хрясь. Хрясь. От двадцати до тридцати раз. В зависимости от того, сколько подопытных животных задействовано в эксперименте. От двадцати до тридцати напоминаний о смерти. О закате времени, звуков, запахов, касаний, света. О восходе пустоты. Темноты.

— Кажется, пора обедать, у меня в животе урчит, — объявил Славик, позитивный сор-

калетний толстячок, чьи обязанности во время жуткого ритуала забоя животных заключались в бережном разделении плазмы и эритроцитарной массы. — Пойду гляну, подошла ли картошечка.

— Еще две штуки до перерыва, — строго напомнила Аля, вырезающая из обмякших безголовых тушек бедренные мышцы для исследования, — хорошо, когда до обеда сделано больше половины. Приятнее потом возвращаться к работе.

Неторопливо пинцетом Аля разделяла бледно-розовые обескровленные волокна недавно живого, выкусывала нужные фрагменты щипчиками и складывала в пластиковые «эппендорфы»¹ на полтора кубика с тщательно нанесенными на них тонким маркером числами и символами. Щелк, щелк — закрывала крышки. Запечатывала смерть. Перед ней стояла коробка, доверху заполненная пустыми эппендорфами. Щелк. Щелк. Одна отнятая жизнь — две бедренные мышцы, два щелчка. Одна сердечная. Еще один щелчок. Препарат костного мозга — мутная пленочка на стекле.

— Четыре часа подписывала вчера эппендорфы, — шутливо пожаловалась Аля. — Мне кажется, если я умру и попаду в ад, то и там буду этим заниматься.

¹ Компактные пробирки, которые используются в лабораторной практике для хранения, транспортировки и центрифугирования биологических образцов.

Запищал будильник на телефоне — Наташа нажала кнопку остановки старой, советской еще, опасной центрифуги, без блокировки открытия во время работы, без встроенного таймера и даже без родного колпака. Барабан накрывали алюминиевой крышкой от кастрюли или сковородки.

Вращающаяся центрифуга замешивала пространство в кашу — Наташе нравилось смотреть в бледно-серое дрожащее марево. Появлялась из тумана памяти стиральная машина «Сибирь», почившая давным-давно на даче, — три тысячи оборотов, такого теперь и не встретишь, — радуга из отжимаемого цветного белья. В детстве Наташа специально старалась положить сверху что-нибудь пестренькое. «Только не суй руки!» — кричала мама.

Центрифуга замедлялась, прояснялись детали — появлялись бегущие друг за другом круглые окошки, куда вставлялись пробирки с кровью. Осторожно, чтобы не встряхнуть, по одной Наташа вынимала их и передавала Славику.

— Давайте следующего! — провозгласил Георгий Алексеевич.

Любовь Ивановна, старушка под восемьдесят, приносила крыс из соседней комнаты, где стояли клетки, по очереди.

— Номер девять, — сказала она, передавая Георгию Алексеевичу шевелящийся комочек. Он на что-то отвлекся, и крыса побежала по столу, застенному бумагой, шурша коготками.

— Ишь ты, какой шустрый. — Георгий Алексеевич поймал жертву за хвост и с ласковой

улыбкой посадил к себе на руку. Крыса, цепляясь лапками, взбежала ему на плечо.

— Девятый хорошо плавал, — зачем-то сообщила Любовь Ивановна, — сильный.

Георгий Алексеевич улыбался, снимая крысу с плеча, умилялся ею, сияя глазами в густых ресницах, точно он вовсе не ее палач, а любящий друг. Умело прихватив жертву за верхнюю часть туловища, он ловко сунул ее голову в ромбовидное отверстие крысиной гильотины и молниеносно опустил ручку. Хрясь!

— Добрая картошечка! — Славик выудил из кастрюли, заботливо опоясанной клетчатым шарфом, дымящийся золотистый клубень.

— Пробуйте грибочки, свои, огурчики соленные, с огорода, — рекламировала Любовь Ивановна, — вот выйду на пенсию, на даче будем жить. Красота. У нас озеро рядом, гуляй не хочу, домик на краю леса, тихо, пташки поют.

Любовь Ивановна мечтала о пенсии, сколько Наташа помнила — как пришла в аспирантуру, так и слышала романтические рассказы о том, как же хорошо будет на пенсии и на даче. Любовь Ивановна мечтала о заслуженном отдыхе со страстью и любованием, но никак не могла уйти: постоянно что-то держало, то эксперимент не закончен, то квартальная премия обещается, то дом надо немного подлатать, а институтские деньги хоть маленькая, но помощь. Славик громко откусил от огурца.

— Ух ты, какой, — он поднял вверх большой палец, — крепенький, хрустящий!

— Это я дубовый лист добавляю, — тут же пояснила Любовь Ивановна, — кушайте на здоровье.

Наташе вспомнилось, как солила огурцы бабушка: ответственные приготовления начинались с самого утра, задействована была большая часть домашней тары и рабочих рук — папа собирал огурцы, мама мыла их в тазике, Наташу традиционно гоняли фразой «не мешайся тут под ногами» — и от этого процесс посола огурцов воспринимался как нечто сакральное, к чему не допускаются простые смертные. Бабушка намывала больше десятка трехлитровых банок, ошпаривала их крутым кипятком, отчего стенки, пока кипяток до них не доходил, покрывались бархатной испариной, складывала на дно каждой дубовые листья — «для хрусту», листья смородины — «для аромату» (бабушка намеренно говорила в конце «у» — зонтики «укропу», дольки «чесноку»). Единственное, что было позволено Наташе, — эти самые укропные зонтики в огороде нарвать. Потом бабушка заталкивала тщательно вымытые огурцы в банки и варила рассол. Прикасаться к огурцам на этом этапе Наташе категорически воспрещалось. «Если ты потрогаешь их грязными руками, банка взорвется», — обещала бабушка, превращая и без того таинственный в детском воображении ритуал посола огурцов в нечто магическое и поистине жуткое.

— Ты чего не ешь? — Славик кивнул на Наташину пустую тарелку.

Аппетита не было совершенно. Перед глазами еще стояла жуткая картина сливания крови в воронку из обрубка крысиной шеи. «Как вообще можно есть после этого?»

Коллеги продолжали невозмутимо ворочать челюстями.

— Токсикоз, наверно? — сочувственно предположила Аля.

— Да, — охотно согласилась Наташа, чтобы от нее отстали, — токсикоз.

— Тогда обязательно возьми огурчик, — посоветовала Любовь Ивановна, — при токсикозе — первейшее средство! Когда я беременная была, банками их уничтожала.

Чтобы невзначай не обидеть Любовь Ивановну и ее огородное хозяйство, Наташа аккуратно отрезала себе половинку соленого огурца. Чуть смявшись под ножом, он брызнул бесцветным соком.

— Как закончим, можете с чистой совестью уходить на покой. — Георгий Алексеевич, смакуя, пил крепчайший кофе, сваренный в турке. — Думаю, еще три-четыре эксперимента, и статистика будет набрана.

В Наташиной голове мигом включился калькулятор страшного суда: четыре эксперимента, допустим, по двадцать пять, итого — сто! Сто крысиных жизней. Сто леденящих кровь звуков «хрясь».

— Никто лучше вас не справляется с животными, — хвалил Любовь Ивановну Георгий Алексеевич, — никак нам без вас. Выкормить их, вырастить, подготовить — кому еще я это доверю?

— Хорошо тебе, — вздохнула, глядя на Наташу, Аля, — ты в декрет уходишь. А нам тут пахать...

— Я тебе давно говорю, Аля, — довольно рассмеялся Георгий Алексеевич, — рожай! Сама сидишь статьи гонишь.

— Кандидатскую надо добить, — на похвалу начальства Аля скромно опустила глаза в тарелку, — а там и в декрет можно...

— Некоторые у нас все успевают, — Георгий Алексеевич ехидно сверкнул глазами в сторону Наташи, — и биохимия, и демография.

— А нам иначе нельзя, — поддакнула Аля, — современная женщина и швец, и жнец, и на дуде игрец. Нам и карьеру надо, и семью, и хобби какое-нибудь хайповое, и выглядеть на миллион. *Think smart, look amazing*¹. Поколение *TESLA*, слышали такое?

— Вы смотрите, — подала голос Любовь Ивановна, — всего не успеть, обязательно где-нибудь трещинка появится.

— А то и дыра, — подхватил Славик, жуя.

Дверь скрипнула, вошел аспирант Демьян, высокий, зеленоглазый, в пуловере в обтяжку, со стильным кашне.

— Извините, задержался, помогать пришел.

— Картоху есть у нас и без тебя отлично получается, — заявил Славик. — Ты прям как в известной песенке.

— Садись, ложку бери, — проворчала Любовь Ивановна. — В наше время аспиранта можно

¹ Мысли разумно, выгляди безупречно (англ.).

было найти если не в лаборатории, то точно в читальном зале.

— Лучше поздно, чем никогда, — с беззлобной улыбкой подвел черту Георгий Алексеевич.

Уборка после забоя — самая неприятная часть работы. Снять со стола окровавленные газеты, сложить тушки в черные шелестящие мешки, перемыть посуду — толстые пробирки, воронки, стеклышки и склянки плавают в выцветшем пластмассовом ведре возле раковины. Вода в этом ведре алая. Лаборантки нет, проработавшая на этой должности двадцать лет старушка недавно уволилась по состоянию здоровья. Посуду моют студенты, аспиранты, даже старшие научные сотрудники не брезгают — не нашел чистой колбы, а эксперимент ставить надо — делать нечего: засучил рукава и вперед.

Наташа выбирает из ведра пробирки, ополаскивает под гудящим краном водой с резким запахом металла, перекладывает в другое пластмассовое ведро — на следующем этапе посуде предстоит ополаскивание водой из дистиллятора.

Алая вода из первого ведра, если ее вылить сюда же, в раковину, будет стоять в ней несколько часов, источая душный сладковатый запах крови — неисправен слив. Наташа несет ведро до туалета, наклоняет над унитазом и вдруг замечает: по поверхности, точно маленький кораблик, точно белый лепесток по течению Ганга, плывет отрезанное крысиное ушко. Обычно

они остаются на голове, но иногда запрокидываются, и гильотина может отрезать кусочек, а случится — целое. Порой под нож попадают передние лапки.

Наташа зачем-то медлит, не выливает. Ушко, покачиваясь, дрейфует по поверхности красной жижи. Наташа чувствует, как в ней поднимается тошнота, она остро сожалеет о съеденной половинке соленого огурца, будто начавшей отчаянно карабкаться по пищеводу наверх. Наташа встряхивает головой, переводит взгляд на казенную побелку стены, пытается дышать глубже, сглатывает несколько раз... Огурчик рвется к свободе. Кто кого? Тошнота — метафора отрицания, неприятия, отторжения. Наташа втягивает носом воздух. Это вполне нормально — отрицать смерть. Испытывать отвращение к упоминаниям о ней. Упоминаниям, раскачивающим успокоительную веру, что смерть будет «когда-нибудь», «нескоро» и будто даже не с тобой, — веру в сиюминутное бессмертие. Смерть будет.

Буддийские монахи неукоснительно соблюдают правило: не убивай живое. Ни звенящего за шторой комара, ни муравья, копошащегося в сухой листве. Ни червя, выползшего на асфальт после дождя. Ни муху, перебирающую лапками по немой тарелке. Ни паучка, бегущего по кафелю. Убивая живое, ты выпускаешь в себя смерть. Так считают буддисты.

Наташа не убила ни одной крысы. Но смерть все равно входит в нее: через уши, через ноздри, через глаза...

Ребенок у Наташи в животе несколько раз поворачивается и замирает — точно прислушивается к ее мыслям.

Наташа быстро выливает ведро и нажимает кнопку слива.

— До вечера! — Муж отпечатал на Наташиной щеке утренний поцелуй. — Делать будет нечего, занеси обед. Не настаиваю, понимаю, тебе некогда, диссертацию докручивать надо.

— Гулять мне полезно.

— Сегодня ветрено. Оденься потеплее и обязательно возьми зонт.

В моменты, когда Егор проявлял преувеличенную заботу в связи с ее положением, Наташа ощущала себя контейнером со сверхценным содержимым.

Такое себе ощущение. Неуютное. Наташа не могла припомнить, чтобы раньше, пока она ходила «пустой», муж хоть раз поинтересовался, ела ли она, тепло ей или холодно, не понести ли пакет...

— Ну давай, помогай маме писать работу, — ласково напутствовал Егор выпуклый живот, легонько похлопав его ладонью, — будущий биолог! Не всякому до рождения выпадает готовиться к защите кандидатской...

Наташа внутренне скривилась. Чего-чего, а вот быть биологом она своему сыну точно не желает. Она вообще никому этого не желает. Разве только врагам.

Закрыв за мужем дверь, Наташа направилась в комнату. Постояла у стола, глядя на кипящую под

ветром крону березы за окном. Открыла ноутбук, закрыла. Пошла на кухню заваривать чай. «Диссертацию докручивать надо». А надо ли? Диссертация — не болт М14. А Наташа не слесарь на шиномонтаже. Однажды она видела аварию: машина проломила заграждение, вылетела на встречку, перевернулась — у нее отвинтилось колесо. Никто не умрет, если Наташа не напишет диссертацию. Деятельность слесаря куда полезнее.

Задумавшись, она вращала ложкой, размешивая сахар.

Несколько чайнок, случайно проскочивших через носик заварочного чайника, кружили, безуспешно пытаясь догнать друг друга. Как планеты Солнечной системы. Как галактики и звездные скопления. Глядя на это бессмысленное и прекрасное кружение, Наташа медлила, чтобы не уходить, не открывать ноутбук, не смотреть в этот файл... Вернувшись в комнату, она полезла в нижний ящик комода, где лежали папки с графикой. Достала чистый лист А3, угольные карандаши, клячку. Не торопясь, слушила на бумажку лезвием угольную пыль с грифелей, заострила их наждачкой.

Открыв картинку на телефоне, Наташа принялась рисовать портрет Бена Барнса¹.

Занятие увлекло ее настолько, что окружающая реальность потускнела, потеряла контуры, точно детали кадра, выпавшие из фокуса. Существовали только линии, острые и мягкие, тонкие

¹ Английский актер театра, кино и телевидения, певец.

и жирные, ломкие и гибкие. Тени, намазанные пальцами, перепачканными угольной пылью. Указательным, средним, безымянным, мизинцем. Как музыкант касается клавиш каждым из них, так и Наташа клала тени, и они звучали. Глубокие и еле заметные, гремучие басовые и чуть слышные, с самого края клавиатуры, на грани чувствительности уха, на грани чувствительности глаз. Сознание Наташи уносилось в тоннель, где обычное время, текущее вовне, теряло свою власть: больше не имели значения невымытые чашки в раковине, недоделанная диссертация, покупки, телефонные звонки — существовали только звучащие тона, линии различной длительности и высоты, линии-мгновения, линии-ноты.

Наташа выныривала обычно лишь для того, чтобы налить чай.

С удовольствием сделав несколько обжигающих глотков, она снова погружалась в рисунок и забывала обо всем — чай успевал остыть до того, как она вспоминала о нем. Обнаруживая его холодным, Наташа шла на кухню наливать новый.

Когда она закончила портрет, время давно перевалило за полдень, и отнести обед мужу она успела бы лишь в том случае, если бы он был сварен заранее. Открыв холодильник, она окинула тоскующим взором мокрый шмат говядины, кривые полешки сырой моркови, кудрявый кочан капусты, гладкие, как полированная древесина, луковицы... Чтобы превратить все это в щи, нужно еще часа два. Пусть муж думает, что она докручивала диссертацию. Вернувшись в комнату,

Наташа тщательно скрыла следы преступления: протерла стол салфеткой, чтобы на нем не осталось угольной пыли, завернула в непрозрачный пакет карандаши, клячку, наждак, бритвы, убрала рисунок в папку и засунула все это глубоко в нижний ящик комода, под белье.

Она села к столу и открыла ноутбук. Хотя бы для приличия надо что-то изменить в рабочем файле. Хотя бы для того, чтобы дата последнего сохранения не выдала ее мужу с головой. Она покрутила колесико мышки туда-обратно, листая текст. Добавила пару случайных символов, стерла, сохранила файл новой датой. Ну его к черту.

На почту упало письмо. С университета Наташа была подписана на рассылку о различных программах для студентов и молодых специалистов творческих профессий. Она редко ее открывала. Письма-приглашения падали, сроки подачи заявок начинались и заканчивались, прилетали новые, ложились на старые мертвым слоем, как облетевшие листья.

«Фестиваль молодых художников в Сочи».

Однако...

Что нужно для участия? Обычно Наташу всегда отпугивали длинные списки требований к кандидатам. «Это точно не про меня», «я не смогу», «у меня этого нет», «не получится», «я им не подхожу». Подобные мысли, роem поднимающиеся в голове, как мусор на ветру, налетали, бомбардируя самооценку. Чувствуя странную смесь сожаления и облегчения, Наташа закрывала письма и пыталась забыть о них.

Крысы плывут по кругу

«Мы ждем талантливых самоучек!»

Сердце споткнулось.

Кажется, это он.

Шанс!

Не нужно специального образования. Не требуется опыт работы художником или дизайнером. Предлагается просто указать в заявке пол, возраст, место жительства и прикрепить портфолио — сканы трех-пяти работ.

Это вполне реально.

Но...

Как всегда, на Наташу напали сомнения.

Она нашла даты проведения фестиваля. «Тогда у меня уже родится ребенок! Смогу ли я поехать? Прилично ли будет, если я поеду? Муж не будет против, если я поеду? Надо его спросить... Он останется с ребенком? Или предложит взять его с собой? Как вообще это все будет выглядеть? Я ведь пока не знаю, что такое ребенок... Я одна не могу принять такое решение. Надо подумать, посоветоваться. Впрочем, может, я еще и не пройду по конкурсу. И не надо будет никуда ехать. И ни у кого отпрашиваться. И не надо будет брать с собой ребенка.

Как много неопределенностей!»

Подавать или не подавать?

Наташа поспешно закрыла письмо, будто бы это могло облегчить посеянную им тревогу.

Глава 2

— Прекрасно выглядишь! Моя коллега к концу срока так отекала, что стала похожа на надутую перчатку, — щебетала Ира, подружка школьных лет, при встрече за столиком кафе. — Вы уже обставили детскую? Думали, как назвать? У тебя ведь мальчик... Мальчик?

Наташа в принципе не поддерживала повышенное внимание к ее положению, а сейчас, болея новостью о фестивале, она спешно, почти бесцеремонно скомкала тему материнства. В ней клокотало желание заручиться чьей-нибудь поддержкой в намерении поехать в Сочи.

— Фестиваль художников? С чего вдруг ты туда сорвешься? — удивилась Ира, выслушав Наташин сбивчивый рассказ. — Что муж говорит?

— Я у него пока не спрашивала...

— Не думаю, что ему сильно понравится. — Ира, точнее Ирина Ивановна, преуспевающий риелтор, казалось, совсем не понимала, насколько собеседницу волнует подача заявки.

Литературно-художественное издание
Эдеби-көркем басылым

Евстюхина Анастасия

КРЫСЫ ПЛЫВУТ ПО КРУГУ

Ответственный редактор *М. Смылова*
Литературный редактор *Д. Судавная*
Художественный редактор *В. Лебедева*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *А. Сухарева, О. Ануфриева*
Верстка *Л. Харченко*

В оформлении обложки использованы фотографии:
@ De Visu / shutterstock.com
@ Denis Mamin / shutterstock.com

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.08.2025
Формат 84×108^{1/2}₃₂ Гарнитура «Spectral».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0.
Тираж 2000 экз. Т-РР1-39339-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А	Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

